

О вашей выносливости, способности чуть ли не ежедневно петь самые изнурительные партии, перелетая с континента на континент, ходят легенды.

Да, партии трудные. Например, Абигаиль в «Набукко» — это же редчайший пример драматической колоратуры: нужна и мощь голоса, и драматизм, и подвижность. Но для меня эти трудности — как струя воды. Я от них балдею, упиваюсь ими: «Макбет», «Эрнани», «Трубадур», «Травиата» — купаюсь в этой музыке. Я как сумасшедшая, меня хоть в сморщенную рубашку завяжи — все равно буду петь. В 1996 году, например, я была дома только 21 день. Потом подумала: зачем? Все-таки качество спектаклей от усталости снижается. Да и сын Руслан дома, шесть лет ему. До четырех лет всюду ездит со мной, дитя кулис. Ну а теперь у него свои занятия: на тейквондо ходит, в бассейн, на скрипку и фортепиано пойдет — все как надо.

Многие дети артистов против родительской профессии, потому что она отнимает у них маму.

Есть такое. Всякий раз, когда я собираюсь на гастроль, он спрашивает: «Ну зачем ты едешь?» Объясняю: «Люди меня ждут». Он: «А что, разве они не могут к нам прийти?» Тогда я говорю: «Ты любишь игрушки, на них нужны деньги». Он приносит копилку, протягивает мне и говорит: «Смотри, нам хватит, не уезжай!»

У большинства ваших героинь — Леди Макбет, вавилонской узурпаторши Абигаиль, итальянской певицы Флории Тоски и других — характер отнюдь не материнский. Они сметают на своем пути все преграды, мешающие проявлениям их чувств. У вас характер такой же эмоциональный?

Бешено эмоциональный. У меня в юности были проблемы из-за этого: эмоции перехлестывали, и какая-то нота могла не прозвучать так рафинированно, как требуют правила бельканто. Но мой учитель Ярослав Антонович Воцак понимал меня и всегда говорил: «Верхняя нота — не просто нота, а всплеск эмоций, выраженный в музыке». Но сейчас, когда я уже могу опираться на мастерство, я не думаю о нотах вообще. Конечно, этому предшествовала огромная работа. И вот теперь я просто получаю огромное удовольствие от каждого выхода на сцену. Конечно, когда больна — нельзя петь. Но и отменить иногда невозможно: народ-то платит за билеты заранее, прилетает из разных стран. И если тебя нет — никому в голову не придет, что может быть просто бронхит. Сразу подозревают: а-а-а, все, кончилась! Или думают: интриги.

И что же, приходится петь больной?

Бывает. Тогда уже не до эмоций, все под контролем. Был у меня такой случай, смешной и драматический. Я пела в лондонском королевском театре «Ковент-Гарден» оперу «Федора». Накануне второго спектакля — а это был 2600-й спектакль Пласидо Доминго — у меня температура сорок: двустороннее воспаление легких. Врач говорит: «Я, конечно, работаю для театра, но скажу: ваша жизнь в опасности. Вы должны немедленно ехать в госпиталь». Поехали. Там меня сразу на обследование, а я: «Давайте скорее, у меня же вечером спектакль». На меня посмотрели как на сумасшед-

шую, начали делать разные процедуры, прокачивать легкие. Но к вечеру я под расписку уехала из госпиталя в театр. Директор пришел и спрашивает: «Как же ты будешь петь, если даже говорить не можешь?» А я в ответ: «I am not speaker, I am singer». И пошла на сцену. Дело в том, что во время пения связки иначе работают, не так, как при бытовом разговоре. Главное — владеть техникой пения. Директор, конечно, перед занавесом объявил, что со мной такая беда, но я выручаю юбилейный спектакль Доминго. Зал меня так тепло встретил! Все прошло хорошо, на следующий день мое фото было на одной странице с матерью Терезой и певицей Мадонной. Друзья были удивлены: «Ты так хорошо пела, разве ты больна?» А доктор после спектакля осмотрел мое горло и сказал, что оно в лучшем состоянии, чем было утром. Так что пение оказалось лекарством.

После вашего отъезда в Европу вы не появлялись в России около 15 лет, а теперь часто даете здесь концерты. Есть ли у вас планы выступить тут в спектаклях?

У меня времени нет, и потом, я хочу делать только то, что я знаю, умею и люблю. Когда публика идет на Гулегина, она должна получить то, что есть Гулегина, а не то, чему меня научит необразованный дирижер или бездарный режиссер. Я не хочу никого обидеть, честь и хвала людям, которые пытаются что-то создать. Но я предпочитаю работать с мастерами такого класса, как, например, Юрий Темирканов. Я бы мечтала записать с ним русскую музыку.

Я хочу делать

только то,

что я знаю,

умею и люблю.

Когда публика

идет

на Гулегина,

она должна

получить то,

что есть

Гулегина,

а не то, чему

меня научит

необразованный

дирижер или

бездарный

режиссер

Фотограф: Екатерина Шугина